

**Ася Ападжалова —**

магистрант программы «Индустрия моды: теории и практики»/Fashion Studies (МВШСЭН), исследователь моды, коллекционер.

# Русский Константинополь: 100 лет назад

Выставка «Русский Константинополь» завершилась буквально за несколько дней до новой, уже современной, волны эмиграции в направлении Еревана, Тбилиси и все того же Стамбула. В контексте повторения истории столетней давности выставка обросла новыми смыслами, в частности чисто культурологическими и сарториальными. В экспозиции было представлено более ста предметов из коллекции фонда Александра Васильева, а также вещи из собрания Музея Востока, фонда Марджани и Дома русского зарубежья (иллюстрации см. во вклейке 4).

Экспозиция заняла пять залов, выделенных тематически: курортный отдых, высокая мода, театр и кабаре, литература и идеалы, быт и повседневность Константинополя на рубеже XIX–XX веков. Удивительной красоты вещи, хорошо расположенные в залах, к сожалению, атрибутированы были бедно. Тексты с описаниями частей экспозиции носили поверхностный характер, давая лишь информацию об исторической фактуре: даты, локации, модные тренды, факты биографий. Впрочем, отсутствие прописанных метафизических привязок, вводившее в заблуждение с первого взгляда, по сути оставляло место для собственных трактовок и параллелей.

Участие самого Музея Востока в экспозиции ярче всего сказалось на первом зале. Представленные здесь резная мебель с инкрустациями,

Русский  
Константинополь.  
**Государственный  
музей Востока,  
Москва.**  
**17 декабря 2021–  
23 февраля 2022**



глиняные и медные с эмалью кувшины, традиционные шитые пояса, филигранные украшения и даже фигурки народного теневого театра «Карагез» — все это погружает зрителя в обстановку восточного города, сохранившего свою экзотичность даже на пороге XX века. Однако Константинополь, хоть и оставался столицей турецких султанов, уже испытывал на себе влияние западной цивилизации. Районы Галата и Пера, еще в XVII веке заселенные венецианцами и генуэзцами, в XX веке отличались космополитичным характером, там строились современные многоэтажные здания, открывались театры и отели, прохожие там одевались по-европейски и говорили на самых разных языках. Зажиточные турки примеряли на себя европейское платье и обставляли дома европейской мебелью. Представленные в первом зале дамские наряды наглядно характеризуют этот переходный момент. К примеру, платье модного европейского кроя с отделкой сутажной лентой, напоминающей восточную вязь, дополнено пелериной в османском стиле. Оба предмета относятся к рубежу XIX–XX веков, полностью соответствуют тенденциям европейской моды своего времени, но имеют ориентальный декор. Европейские наряды, сверкающие золотым шитьем османских вышивок, представленные рядом с экзотическими турецкими диванами, инкрустированными перламутром, смотрятся, с одной стороны, непривычно, но вместе с тем очень сочетаются между собой по дизайну. Динамичные силуэты дамских платьев как будто застывают в своем порыве среди кресел и столиков с тягучей вязью орнамента, и противоречит гладкой лаконичности европейского платья традиционный костюм с шароварами с множеством складок и длинным бесформенным кушаком. Стамбул и правда город контрастов, и первый зал экспозиции успешно демонстрирует это зрителю. В этот город, с восточным базаром и вполне европейской Галатой, в город, через который в 1918 году прошли (и растворились в нем) войска Антанты, в город опасный, изменчивый, непривычный и гостеприимный стали прибывать корабли, несущие вдаль от погибающей России десятки тысяч русских беженцев.

О горе, нищете и тяготах жизни на чужбине в экспозиции рассказывает самый первый стенд. На нем собраны черно-белые фотографии Константинополя начала XX века и отрывки из мемуаров эмигрантов. Так, Иван Бунин описывал Константинополь с некоторой горечью: турки, пережившие вторжение войск Антанты, «стали грустны, и были ласковы лишь с нами, русскими беженцами, еще более бесправными, чем они, и несчастными уже до последнего предела во всех смыслах». Бывшие высокие чины в новых условиях становились таксистами, бывшие светские дамы превращались в горнич-

ных и официанток. Вряд ли эти метаморфозы проходили безболезненно — однако предметы экспозиции не рассказывают зрителю эти истории. А жаль: опыт предков мог бы пригодиться нам сейчас — но выставка романтизирует историю. И вместо подшитых продранных туфель и трижды переделанных платьев — а именно так описывает гардеробы русских эмигранток Владимир Набоков — зрителю предлагается вновь окунуться в компаративистику и поизучать ориентальные вышивки на шикарных парижских платьях 1920-х годов.

Этим красивым платьям отведены два зала: в первом они иллюстрируют модные европейские тренды времени; во втором имитируют праздничную толпу на концерте Вертинского. Как уже было отмечено, для выставки были отобраны вещи, имеющие декор в ориентальном стиле, — то есть вместо бытописания эпохи зрителю предлагается погрузиться в некую восточную сказку, которой представлялся Константинополь или Египет европейцам 1920-х годов. Акцент смещен на экзотику, блеск и мастерство вышивальщиц. Есть пунцовое шелковое платье, покрытое бисерной вышивкой в египетском стиле. Есть платья с декором из крупного искусственного жемчуга, окруженного бисером: декор имитирует традиционную османскую вышивку. Сложно себе представить, как русские эмигрантки, работавшие горничными, по вечерам облачаются в платья произведения дома Jeanne Lanvin, накидывают поверх кейпы Jeanne Castel из шелка с меховой отделкой и едут в кабаре. Такое представление быта и sartorialных практик русской эмиграции вызывает удивление.

При этом каждое платье, представленное в этих залах, действительно невероятно хорошо! Большая часть атрибутирована как произведения из Франции или — более условно — Западной Европы 1920-х годов. Правда, русский период в Константинополе завершился к 1923 году, о чем есть упоминания в сопроводительных текстах выставки, — платья же зачастую относятся к середине десятилетия. Возникает ощущение, что при составлении экспозиции упор делался на внешне красивую картинку и атмосферу экзотики в ущерб исторической правде.

Зал, посвященный пляжному отдыху, моду на который в Константинополе ввели как раз русские эмигранты, лучше раскрывает бытовые аспекты. Отдых на свежем воздухе, среди рощ и воды, был доступен всем слоям населения. И, несмотря на западноевропейское происхождение представленных экспонатов, диссонанса не возникает. Особый интерес представляют тут обложки грампластин с изображениями европейских девушек и подписями по-турецки. Такая фиксация взаимопроникновения культур и правда ценна.

В этом же зале выставлен очень интересный текст, проясняющий отношения белоэмигрантов к новому национальному лидеру Турции Мустафе Кемалю. В 1923 году была провозглашена Турецкая республика, и Кемаль стал ее первым президентом. Кемализм до сих пор лежит в основе турецкой государственности, национализм, народность и светскость — три из шести его пунктов. Интересно, что еще до вступления Кемалья в должность президента многие белоэмигранты, особенно мусульманского вероисповедания, оказывали ему поддержку, вплоть до вступления в ряды его армии. Но буквально через два года после прихода к власти Кемаль стал проводить политику, направленную на выдворение белоэмигрантов из Турции. С этим связан резкий отток русских в страны Западной Европы. Тем не менее порядка трех тысяч представителей эмиграции приняли турецкое гражданство, тем самым связав свою дальнейшую судьбу с Турцией. Если в 1920 году белоэмигранты приезжали в гостеприимный город, наполовину восточный, наполовину европейский — то спустя пять лет им надо было выбрать одно из двух: либо Европа, либо Турция. И турки больше не хотели мириться с разнообразием взглядов и национальных менталитетов.

Судя по откликам, выставка посетителям понравилась — красивые платья с яркой бисерной вышивкой, обилие красок, восточная роскошь, как аутентичная, так и в европейской интерпретации, все это очень нравится любителям истории моды. А тяжелый опыт бесприютности эмигрантов, который не отрицают кураторы и о котором говорят в сопроводительных текстах, остался практически за рамками экспозиции. Здесь, как нам видится, дает о себе знать такая проблема коллекционирования, как стремление собирать яркие и дорогие предметы в ущерб повседневным. И становится ясно, что без коллекционирования повседневных вещей невозможно раскрыть некоторые темы — и среди них, безусловно, тема эмиграции. Клара, героиня набоковской «Машеньки», имела всего одно выходное платье — из черного шелка с лоснящимися рукавами, требующее постоянной починки, как и чулки. Заштопанные чулки уже без стеснения носит Соня, героиня романа «Подвиг» того же Набокова. Штопка, починка, подсчет денег, которых вечно не хватает, — неотъемлемые сюжеты литературных произведений об эмигрантах. Ностальгия по покинутому дому, по бывшему социальному статусу, по утраченным иллюзиям — возможно, именно такие мысли сопровождали русских, гулявших в рощах над водой в курортном районе Флория еще гостеприимного Константинополя. И это все не менее важно, чем кропотливый труд вышивальщиц парижских домов мод, тщательно изображавших бисером на шелке волшебную восточную сказку.